

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ И РАЗВИТИЕ АДДИКТИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ (ВЗАИМОВСВЯЗЬ, ДИАГНОСТИКА, КОРРЕКЦИЯ)

Шлычков Вадим Рудольфович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии в Центре гуманитарной подготовки, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ); пер. Стремянный, 36, Москва, Россия, 117997; e-mail: varush@list.ru

Шлычкова Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин, Столичная финансово-гуманитарная академия (СФГА), ул. Шоссейная, 90, стр. 17, Москва, Россия, 109383; e-mail: oshlychkova@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме формирования профессиональных деформаций личности и механизму развития аддиктивных форм поведения. Проводятся анализ и описание связи между профессиональными деформациями отдельных групп работников и наиболее распространёнными в их среде социально вредными аддикциями. Часть материала посвящена анализу психофизиологических ресурсов, предпосылок и ограничений в профессиональной самореализации личности. Представлены методы диагностики и коррекции различных нарушений в профессиональной и личностной сфере, дана оценка эффективности этих методов и возможности применения в социальной практике и в управлении.

Ключевые слова: профессиональные деформации, стрессовые ситуации, аддиктивное поведение, диагностика, психологическая коррекция, психофизиологический потенциал.

Профессиональная самореализация, личностный и профессиональный рост человека стали объектом глубоких акмеологических исследований и позволили далеко продвинуть не только теорию, но и практику этих научных исследований. Сложившиеся научные школы отечественной акмеологии дают чёткое психолого-педагогическое обоснование путям и средствам оптимизации личностно-профессионального развития и достижению наивысших результатов в самосовершенствовании [1, 2, 3].

Путь достижения «акме» в профессии и в других сферах жизнедеятельности человека часто сопровождается трудностями и испытаниями личности «на прочность». Тема преодоления тягот и волевая компонента личностно-профессионального развития и становления профессионала пользуются в работах исследователей повышенным вниманием. Помимо профессиональной акмеологии оформились и такие подотрасли, как управленческая, образовательная, синергетическая, этнологическая, креативная и другие. В них исследователи также выявляют противоречия и способы их преодоления на пути достижения личностно значимой цели. Различия между ними чаще отражают угол зрения автора на проблему, выбор специфического инструмента для анализа и объяснения

феноменов акмеологии. В настоящей статье мы также предложим взглянуть на проблему профессионального становления под определённым углом, через призму влияния деятельности на личность и наоборот.

Многие авторы отмечают, что путь личностно-профессионального роста труден и тернист, сопровождается срывами и «регрессивными откатами» (профессиональной деградацией), потерей достижений и перспектив, профессиональными тупиками и проблемами с самомотивацией. Часть исследований посвящены анализу профессиональных деформаций и личностным деструкциям работников в различных профессиональных средах, которые часто становятся неизбежными спутниками профессиональной деятельности в определённых условиях.

Так, в исследованиях М.В. Емельяновой анализируются профессиональные деформации личности у сотрудников правоохранительных органов [8]. В работах Р.В. Куприянова, Н.Ш. Валеева, Н.В. Быковской рассматриваются профессиональные деформации личности социальных работников [14]. Проблемы, связанные с кризисными ситуациями и профессиональными деформациями личности в среде сотрудников Федеральной миграционной службы, исследовали Ю.Н. Казаков, С.Е. Соловьянов [11]. Фундаментально исследованы проблемы профессиональной деформации личности педагогов и психологов в работах О.Б. Поляковой [16, 17]. Достаточно глубоко проанализировано профессиональное выгорание учителей в работах Т.Г. Фоминой и В.И. Моросановой [20].

Все исследования, посвящённые проблемам профессионального становления, «болезням» профессионального роста и развития личности, неизбежно сталкиваются с методологическим вопросом «о первичности»: что лежит в основе и влияет в большей степени на человека — социальное (профессиональное) или биологическое (личностное)? Есть ли такие профессиональные среды, которые любого «хорошего человека» испортят? Является ли «социальное» только условием, способствующим (или не способствующим) проявлению человеческого несовершенства и приводящим его к профессиональным деформациям? В зависимости от приверженности авторов тем или иным научным школам их мнения зачастую прямо противоположны: от выраженного «биологизаторского подхода» до крайней убеждённости в социальном «всемогушестве» педагогики и психологии. Приверженцы «научного плюрализма» (в противовес «научной категоричности») предпринимают попытки найти не точки различия, а то, в чём эти методологические воззрения могут сходиться.

Следует согласиться с позицией А.А. Бодалёва, по-мнению которого доминирующая позиция должна заключаться в том, что социальные явления не могут быть решены с только с биологических позиций. Перенос центра тяжести в изучении поведения человека в область социального или биологического ничего не меняет по существу, так как ядро проблемы лежит не в плоскости этих понятий, а «на новом и более высоком уровне их диалектического единства — в сознательной человеческой деятельности» [3]. Однако, по-мнению Я.И. Гилинского, это несколько не умаляет роли биологии в изучении таких форм, например девиантного поведения, как пьянство, правонарушения, бродяжничество, половая распущенность или самоубийства [6].

Исследования авторов статьи по поиску прямых корреляций девиантного поведения — либо только с социальной средой, либо только с биологическими особенностями индивидуума, не дали устойчивых положительных результатов. Чаще всего именно деятельность является той «лакмусовой бумажкой», которая определяет допустимые диапазоны «нормального» поведения, и ту черту, после которой начинается отклоняющееся поведение [19].

Сама профессиональная деятельность и те риски (прямые или опосредованные), которые сопутствуют деятельности (в темпе, ритме, в стрессах и конфликтной напряжённости), чаще воспринимаются как условия и факторы, формирующие личность, влияющие на образ жизни, её стиль, поведенческие привычки и даже тип личности. Поэтому вполне устоялись представления о профессиональных и личностных особенностях тех людей,

которые воспринимаются как профессиональные типы (она ведёт себя, как рыночная торговка, он врач, он полицейский и т.п.).

Анализ профессиональной деятельности и соответствия ей дал мощный импульс исследованиям в области профессиональной пригодности и профессиональной надёжности, позволил существенно обогатить психологическую науку методами профессионально-психологического отбора и оценки профессионально важных качеств [4, 9, 15].

Сама дискуссия о профессиональных деформациях чаще всего является дискуссией о том, как профессиональные условия труда способны негативно повлиять на личность и сформировать в ней те характерологические свойства и поведенческие привычки, те ценностные установки и мотивы поведения, которые, с точки зрения социума, относятся к негативным личностным свойствам. Между тем правомерен и другой взгляд — о влиянии самой личности на деятельность, посредством внесения в эту деятельность негативного наполнения как следствия своих индивидуальных свойств и качеств. Именно поэтому проблема психологического отбора, подбора, расстановки персонала и психологического сопровождения профессиональной деятельности столь актуальна в современном менеджменте.

Под профессиональными деформациями личности понимают:

- деструктивные изменения личности при выполнении деятельности (Э.Ф. Зеер);
- изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса (Э.Ф. Зеер);
- деструкции, возникающие при многолетнем выполнении одной и той же профессиональной деятельности, негативно влияющие на её продуктивность, порождающие профессионально нежелательные качества, изменяющие профессиональное поведение человека (Э.Ф. Зеер);
- нарушение усвоенных способов деятельности, разрушение сформированных профессиональных качеств, появление стереотипов профессионального поведения и психологических барьеров при освоении новых профессиональных технологий, новой профессии или специальности, изменение структуры личности при переходе от одной стадии профессионального становления к другой (Э.Ф. Зеер);
- изменение психической структуры, качеств личности (поведения, способов общения, стереотипов восприятия, характера, ценностных ориентаций и др.) под влиянием выполнения профессиональных обязанностей [17].

Следует отметить, что в отечественной литературе авторы часто используют как близкие по смыслу или как слова-синонимы такие понятия, как деформация, деструкция, деградация и даже дисгармония. Представляется, что столь вольное обращение с терминологией образует понятийную путаницу. В этимологии слова «деформация» лежит искажение существующей структуры и порядка при её целостной сохранности, в этимологии слова «деструкция» лежит разрушение, рассыпание (отмена структуры), а в семантике слова «деградация» лежит переход к состоянию упадка, регрессия, то есть движение назад. А в понятии «дисгармония» кроется нарушение соответствия чему либо (например, требованиям профессии).

Поэтому, говоря о «деформации личности», следует понимать изменения (искажения) существующей структуры личности, но ещё не её распад. При психическом распаде личности (разрушении её структуры) следует применять термин «деструкция». А сам процесс ухудшения показателей психики (свойств, процессов, состояний и образований), то есть регрессия психики от нормы (к «ненорме») должен характеризоваться понятием «деградация личности».

Также довольно часто в литературе, посвящённой профессиональным деформациям, используется термин «выгорание» (burnout), введённый в научный оборот Х. Дж. Фройденбергером (H.J. Freudenberger) в 1974 году. Его используют в разных смыслах, говоря о психическом, эмоциональном, профессиональном выгорании, но справедливо «привязывая» в аспекте личностной деформации работника под влиянием профессиональных стрес-

сов «средней интенсивности». Проблеме эмоционального выгорания посвящены работы Е.П. Ильина, Г.С. Абрамовой, А.К. Марковой, В.В. Бойко, Т.В. Форманюк, Ю.А. Юдчиц и других отечественных специалистов-психологов.

В структуре профессиональных деформаций наиболее убедительной нам представляется точка зрения Э.Ф. Зеера и Э.Э. Сыманюк, выраженная по уровням их проявления:

1) *общепрофессиональные деформации*. Прослеживаются у большинства работников со стажем и делают их узнаваемыми: у врачей в виде эмоциональной индифферентности к больным; у работников правоохранительных органов — в виде подозрительности к любому гражданину как потенциальному нарушителю; у руководителей — в виде вседозволенности и нарушения этики отношений;

2) *специальные профессиональные деформации*. Возникают в рамках каждой специальности: у следователей — подозрительность; у адвоката — изворотливость; у прокурора — обвинительность; у хирургов — циничность, у терапевтов — склонность к драматизации диагноза, у медсестёр — равнодушие;

3) *профессионально-типологические деформации*. Складываются как профессионально и личностно обусловленные комплексы: деформации профессиональной направленности (перестройка системы ценностей, пессимизм, скепсис к нововведениям); деформации интеллектуальных, коммуникативных, организаторских способностей (завышенная самооценка и уровень притязаний, нарциссизм, комплекс превосходства); деформации черт характера: властолюбие, доминантность, индифферентность и др.;

4) *индивидуальные деформации*. Проявляются как индивидуальные свойства и качества, получившие гипертрофированное развитие в результате профессиональной деятельности (сверхответственность, суперчестность, трудовой фанатизм и другие) [9].

По-мнению А.К. Марковой, к основным тенденциям профессиональных деструкций могут относиться:

1) дезинтеграция профессионального развития, распад профессионального сознания, конфликты и, возможно, профессиональное отчуждение;

2) искажённое профессиональное развитие, появление новых негативных качеств и, как следствие, групповая несовместимость;

3) низкая профессиональная мобильность, неумение приспособиться к новым условиям труда и дезадаптация;

4) ослабление ранее имевшихся профессиональных данных, профессиональных способностей, профессионального мышления;

5) отставание или замедление профессионального развития, несоответствие возрастным и социальным нормам;

6) появление деформаций личности (эмоциональное истощение, ущербная профессиональная позиция);

7) профессиональное заболевание или потеря трудоспособности (прекращение профессионального развития);

8) рассогласованность отдельных звеньев профессионального развития [15].

Часть отечественных специалистов солидарны с устоявшимися в зарубежной психологии концепциями профессиональных деформаций. Так, О.Б. Полякова в монографическом исследовании, посвящённом профессиональным деформациям личности, опирается на труды Б. Пельмана (B. Peiman), Е. Хартмана (E. Hartman), К. Маслач (C. Maslach), С. Джексона (S. Jackson) и выделяет в структуре профессиональной деформации: эмоциональное и/или физическое истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений.

По-нашему мнению, все уровни, тенденции, виды и формы профессиональных деформаций в определённой степени коррелируют с различными формами отклоняющегося поведения, и способствуют формированию определённых видов аддикций. На уровне обыденного сознания многие профессии далеко не всегда объективно, но «неразрывно» связываются с тотальной алкоголизацией (сантехник, сапожник, военный, артист и др.), с половой свободой и простотой нравов, с игровой (компьютерной) зависимостью и многими другими формами психозависимого поведения.

Следует признаться, что систематичных исследований корреляционных связей между профессиональными деформациями и аддиктивным поведением в отечественных исследованиях авторам статьи найти не удалось. Представляется, что работа в этом направлении может стать довольно перспективной в научно-практическом плане.

Исследование аддикций традиционно относится к сфере пограничных областей знания между психологией и медициной в лице прежде всего психиатрии. Большой вклад в разработку систематизации и объяснения механизмов формирования аддикций внесли такие учёные, как: Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, А.Т. Кондрашенко, Д.И. Донской, А.Е. Личко, Л.Н. Собчик, Н.Н. Бойко и многие другие.

Глазами психотерапевтов под аддикцией понимается паттерн стойкого ухода от реальности, достигаемый посредством изменения психического состояния, которое происходит в результате приёма некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определённых предметах или активностях (видах деятельности), что сопровождается развитием интенсивных эмоций [12].

Сам процесс употребления того или иного вещества, изменяющего психическое состояние, привязанность к предмету или участие в активности принимает такие размеры, что начинает управлять жизнью человека, делает его беспомощным, лишает воли к противодействию аддикции.

Стремление изменить своё психическое состояние по причине дискомфорта — основа для возникновения и развития аддикции. Очевидно, что такой дискомфорт может ощутить работник в любой профессии на разных стадиях её освоения.

«Вызывающая психологический дискомфорт реальность может приводить в состояние подавленности, грусти, неуверенности, обиды, тревожного ожидания, разочарования, скуки; включать элементы растерянности, беспомощности, безнадёжности, низкую личностную и социальную самооценку» [12]. Сами по себе отрицательные эмоциональные состояния не являются триггерами аддиктивного процесса, если не подкрепляются другими дополнительными причинно-образующими факторами (психологическими, социальными, биологическими).

По мнению Ц.П. Короленко, в повседневной жизни комфортное состояние не всегда достижимо или оказывается недостаточно стойким в связи с влиянием различных внешних факторов:

- неприятности на работе, ссоры с близкими, недопонимание в семье, информация о событиях, содержащих косвенную или прямую угрозу благополучию, здоровью;
- разрушение привычного стереотипа жизни (сокращение штатов, необходимость переквалификации, смена работы, переезд на другое место жительства, уход на пенсию и др.)

Растёт число ситуаций, когда человеку приходится принимать значимые для его судьбы решения, что усилило нагрузку на систему адаптации. А если психологический дискомфорт подкрепляется «внутренними причинами» (особенностями биоритмов, частотой спадов и подъёмов, неспособностью преодолевать фрустрации), то риск формирования аддикции усиливается. Аддикция для таких людей становится способом борьбы с периодами спадов. Используя стимул, изменяющий психическое состояние (например, какое-либо средство) и повышающий настроение, человек (аддикт) может вначале добиться желаемого, удовлетворить своё стремление, но потом этого уже бывает недостаточно.

«Желаемое изменение настроения по аддиктивному механизму может быть достигнуто различными способами:

- с помощью приёма алкоголя или веществ, изменяющих психическое состояние;
- участием в азартных играх, включая современные компьютерные игры;
- посредством сексуальной аддикции;
- перееданием или голоданием;
- длительным прослушиванием ритмичной музыки;
- полным погружением в какой-то вид деятельности, при этом забывая свои другие жизненно важные проблемы и обязанности (собственное здоровье, благополучие семьи, забота о детях и др.)» [12].

Следует обратить внимание, что любая профессиональная деятельность, неудовлетворённость своим статусом и ролевым поведением, преодоление трудностей в решении профессиональных задач, конфликтное межличностное взаимодействие в организации и ходе осуществления трудовых функций, карьерные трудности и многое другое неизменно будут сказываться на настроении работника и тем самым создавать «благодатную почву» для начала аддиктивного процесса. Способность переносить эти нагрузки в виде стрессоустойчивости, конфликтоустойчивости и фрустрационной толерантности повышают профессиональную надёжность работника. Но опыт показывает, что управлять своим настроением и использовать приёмы саморегуляции и адекватной компенсации могут далеко не все. Это существенно увеличивает риск формирования различных форм химических и процессуальных аддикций в любой профессиональной сфере, связанной с повышенной психической нагрузкой, утомляемостью и истощаемостью эмоциональных ресурсов.

По мнению Н.В. Дмитриевой, «развитие каждой специфической формы аддикции начинается с аттачмента (attachment) — стойкой и сильной эмоциональной фиксации на воздействии, изменившем дискомфортное психическое состояние. Выход из состояния дискомфорта в результате воздействия аддиктивного агента сопровождается возникновением различных форм психической релаксации или стимуляции в виде прилива энергии, возбуждения, эйфории, безмятежности, освобождения от внутреннего эмоционального напряжения, озабоченности, скуки, страха несостоятельности, чувства обязанности, социальной ответственности, избавления от сниженной самооценки, неполноценности» [13].

Далее, сильное эмоциональное впечатление прочно закрепляется в психике на всех уровнях и вызывает стойкое желание повторить пережитое состояние.

Аддиктивное поведение имеет определённую динамику, заключающуюся в нарастании (углублении) нарушений, особенно в тех случаях, когда процесс не остановлен на ранних стадиях. Принято выделять следующие этапы этого процесса:

1. Начало отклонения. Связано острым переживанием от первого контакта с аддиктивным агентом (чувство радости, экстаза, драйва, риска), которое формирует понимание, что существует определённый способ, вид активности, с помощью которого можно сравнительно легко изменять своё психическое состояние.

2. Аддиктивный ритм. Характеризует последовательность и частоту реализации аддиктивного поведения.

3. Формирование аддиктивного поведения как интегральной части личности. Формируется стереотипное, привычное реагирование на жизненные и профессиональные ситуации, с попытками псевдоконтроля и управления своим поведением, с невосприимчивостью критики и здравого смысла.

4. Полное доминирование аддиктивного поведения. Тотальное влияние на стиль жизни, отношения с окружающими, усиливается отчуждение (альенация) от общества, обостряется внутриличностный кризис, подавленность, апатия, приводящие к деструкции основных качеств личности [12].

В современной литературе принято выделять и классифицировать следующие виды аддиктивного поведения:

— нехимические (или процессные) аддикции (гемблинг, любовные аддикции, инернет-аддикции, аддикции избегания, сексуальные и эротические аддикции, религиозные аддикции, шопинг, мобильная аддикция, телемания, ургентная аддикция, работоголизм);

— промежуточные аддикции (аддикции к еде в форме переедания и голодания и другие);

— химические аддикции (алкогольная аддикция, наркомания, токсикомания, табакокурение, кофеиновая и «чифирная» аддикция и др.)

Просмотрев этот список, можно смело утверждать, что все жители страны в определённой степени подвержены аддиктивному поведению. Это даёт основание шутить, что современный уровень цивилизационного развития сформировал новый тип человека —

homo addictus. Вместе с тем следует отметить, что часть профессиональных деформаций личности особенно тесно связаны с некоторыми видами аддикций.

Нередко приходится слышать разговоры о «спившихся начальниках», «тотальной нехватке времени», «загнанных лошадях на работе», «змеином коллективе» и наблюдать эмоциональные реакции на проблемы, в которых отражаются намёки на личностные деформации и деструкции работников.

По мнению О.Б. Поляковой, необходимо не только изучать влияние различных условий среды (производственных, бытовых, социальных) на психику человека, но и разрабатывать оптимальные нормы труда, отдыха и быта, осуществлять пропаганду психогигиенических взглядов.

Для решения задач ранней диагностики профессиональных деформаций личности, выявления факторов, препятствующих успешной профессиональной адаптации и профессиональному росту, могут использоваться следующие психодиагностические инструменты [17]:

1. Опросник на «выгорание (MBI) — Maslach Burnout Inventory- авторы американские психологи К. Маслач (С. Maslach), С. Джексон (S. Jackson), автор адаптированного варианта опросника — Н.Е. Водопьянова. Методика направлена на измерение степени «выгорания» в профессиях типа «человек — человек».

2. Опросник «Измерение выгорания» (BM) — «Burnout Measure» — авторы А. Пайнс (A. Pines) и И. Аронсон (E. Aronson). Методика направлена к тому, чтобы оценить психическое и физическое истощение, особенности деморализации и диагностику общего самочувствия.

3. Опросник «Maslach Burnout Inventory — General Survey» — (MBI-GS) — автор В. Шауфели (W. Schaufeli) позволяет определить особенности выгорания (истощения, цинизма, профессиональной успешности) у представителей несоциономических профессий.

4. Опросник психического выгорания (ОПВ) — автор Б.А. Фарбер (B.A. Farber), автор адаптированного варианта — А.А. Рукавишников. Методика позволяет диагностировать психоэмоциональное истощение, личностное отдаление и профессиональную мотивацию.

5. Методика диагностики уровня эмоционального выгорания (ЭВ) — автор В.В. Бойко. Методика позволяет выявить сформированность психологической защиты и диагностировать симптомы развития выгорания через фазы развития стресса: напряжение, резистенцию, истощение.

6. Модификация опросника (мод. ЭВ) — автор модификации Е.П. Ильин. Методика позволяет выявить уровень эмоционального выгорания посредством отношения к мотивации трудовой деятельности.

Анализ психодиагностического инструментария показывает, что в арсенале психологов ситуационно могут применяться более 30 методик для диагностики различных признаков и компонентов профессиональной деформации личности.

Помимо общепсихологических методов изучения личности для психодиагностики признаков аддиктивного поведения может быть рекомендована «Методика диагностики аддиктивной идентичности», разработанная авторским коллективом под руководством Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриевой [12]. В соответствии с ней желательный возраст респондентов варьируется в пределах 17–35 лет, что вполне подходит для диагностики на различных этапах профессионально становления. Методика даёт возможность дифференцированно оценить признаки и критерии аддиктивной идентичности психически здоровой личности в различных сферах: детско-родительских и семейных отношениях; эмоциональной, профессиональной сфере; мотивационной сфере; сфере поведения и межличностных отношений. Следует признать, что данная методика не нашла широкого применения в практике работы психологов, несмотря на её высокую валидность и надёжность.

Большее распространение получили методики Л.Н. Собчик (ИТО, СМЛ, ДМО, ЛИК-190 и другие), которые при умелой интерпретации позволяют эффективно выявлять

различные виды личностных деформаций в профессиональных средах, включая аддиктивное поведение [18].

Несомненно, важнейшая управленческая задача — не только оптимально организовать профессионально-психологический отбор сотрудников с учётом их профессионально важных качеств, стимулировать и управлять их профессиональным развитием, но уделять особое внимание психопрофилактике и психокоррекции профессиональных деформаций личности. Приходится признать, что в решении этой задачи значительно чаще используются меры педагогического и административного характера. Превентивные меры могли бы быть реализованы при внедрении системы психологического сопровождения профессиональной деятельности. Одной из форм такой работы может стать психологический мониторинг сотрудников с целью ранней диагностики профессиональных деструкций и признаков социально вредного (нежелательного для профессиональной деятельности) аддиктивного поведения.

С сожалением следует признать, что в настоящий момент задачи такого уровня не ставятся и не решаются в большинстве организаций. При выявлении острых форм профессиональных деформаций личности чаще всего отмечается запоздалая «кадровая рефлексия» («битьё по хвостам» в форме наказания и увольнения), но системной работы «на упреждение» нет даже в системе государственной службы.

Таким образом, комплексное решение проблем профилактики профессиональных деформаций личности, ранней диагностики и коррекции социально нежелательного аддиктивного поведения персонала ставит перед российскими учёными сложные научно-практические и организационные задачи по выработке и обоснованию модели, внедрению её в систему управления персоналом. Благодаря усилиям ведущих специалистов РАНХиГС и других учебных заведений страны, эта работа начата и активно развивается. Только открытый анализ существующих проблем, отсутствие самообмана и лакировки действительности позволят вскрыть всю глубину противоречий.

Авторы выражают благодарность редакционной коллегии журнала за предоставленную возможность актуализировать проблему и приглашают всех читателей к продолжению конструктивной дискуссии и обмену мнениями.

ССЫЛКИ

- [1]. *Аганов В.С.* Концепция Я и самореализация субъекта: проблемное поле научных исследований // *Акмеология*. 2012. № 3. С. 26–30.
- [2]. *Бодалёв А.А., Деркач А.А., Климов Е.А.* О задачах и направлениях современных акмеологических исследований // *Акмеология*. 2013. № 3. С. 85–90.
- [3]. *Бодалёв А.А.* Личность и общение // Избр. тр.; М.: Педагогика, 1983.
- [4]. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов. 2-е изд. — М.: ПЕР СЭ, 2006.
- [5]. *Бойко Н.Н.* Homo addictus: Человек зависимый (в рабстве пагубных пристрастий). — М.: Родная страна, 2012.
- [6]. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
- [7]. *Деркач А.А.* Психолого-акмеологические основания и средства оптимизации личностно-профессионального развития конкурентно-способного специалиста // *Акмеология*. 2012. № 4; 2013, № 1–4.
- [8]. *Емельянова М.В.* Профессиональные деформации личности сотрудников правоохранительных органов // *Акмеология*. 2012. № 4. С. 103–104.
- [9]. *Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э.* Психология профессиональных деструкций. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005.
- [10]. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983.
- [11]. *Казаков Ю.Н., Соловьянов С.Е.* Кризисные ситуации и профессиональные деформации личности сотрудников федеральной миграционной службы // *Акмеология*. 2010. № 3. С. 36–43.

- [12]. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Аддиктология: настольная книга. — М.: Институт консультирования и системных решений, Общероссийская профессиональная терапевтическая лига, 2012.
- [13]. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Социодинамическая психиатрия. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999.
- [14]. *Куприянов Р.В., Валеева Н.Ш., Быковская Н.В.* Профессиональная деформация личности социального работника // Акмеология. 2014. № 3. С. 66–74.
- [15]. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. — М.: Знание, 1996.
- [16]. *Полякова О.Б.* Деперсонализация как составляющая профессиональных деформаций личности и акмеологическая проблема // Акмеология. 2009. № 4. С. 44–53.
- [17]. *Полякова О.Б.* Профессиональные деформации личности: понятие, структура, диагностика, особенности. Монография. — М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2013.
- [18]. *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. — М.: Фолиум, 1997.
- [19]. *Шлычков В.Р., Шлычкова О.Н.* Девиантное поведение личности как социально-психологический и философско-культурологический феномен: теоретический анализ проблемы // Акмеология. 2006. № 1. С. 82–87.
- [20]. *Фомина Т.Г., Моросанова В.И.* Профессиональное выгорание учителя: регуляторный подход // Акмеология. 2013. № 3. С. 40–44.

PROFESSIONAL DEFORMATIONS AND ADDICTIVE RISKS: MECHANISM OF FORMATION, DIAGNOSTICS AND POSSIBILITIES OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION

Vadim R. Shlychkov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Psychology department, Center of Humanitarian training, Russian Economical University named after G. Plekhanov (REU), Stremaynny per. 36, Moscow, Russia; 117997; varush@list.ru

Olga N. Shlychkova, кPh.D in Filology, Associate Professor of the Common Humanitarian Department, Municipal Financial Humanitarian Academy (MFHA), Shosseynaya ul.90, bld. 17, Moscow, Russia; 109383; oshlychkova@mail.ru.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of forming professional deformations of personality and mechanism of development the addictive form of behavior. Analyses and description of connection between professional deformations of separate employees groups and the most common their socially wrong addictions are made. Part of the material is devoted to analyses of psychology and physiology resources, reasons and limits in professional self-realization of personality. Methods of diagnostics and correction of different failures in professional and personal sphere are introduced, the value of effectiveness of these methods and the possibilities of application in social practice and in management are given.

Keywords: professional deformations, stress situations, addictive behavior, diagnostics, psychological correction, psycho-physiological potential.

REFERENCES

- [1]. *Agapov V. S.* Concept I and self-realization of the subject: problem field of scientific researches // *Akmeology*. 2012. No. 3. Page 26–30.
- [2]. *Bodalyov A.A., Derkach A.A., Klimov E.A.* About tasks and the directions modern the akmeologicheskikh of researches // *Akmeology*. 2013. No. 3. P. 85–90.
- [3]. *Bodalyov A.A.* Lichnost and communication // *Izbr. tr. M.: Pedagogics*, 1983.
- [4]. *Bodrov of V.A.* Psikhologiya of professional suitability. Manual for higher education institutions. 2nd prod. — M.: PER SE, 2006.
- [5]. *Bojko N.N.* Homo addictus: The person dependent (in slavery of harmful addictions). — M.: Native land, 2012.
- [6]. *Gilinsky Ya.I.* Deviantologiya: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicides and other «deviations». — SPb.: Legal Press Center publishing house, 2004.
- [7]. *Derkach A.A.* Psikhologo-akmeologicheskiye of the basis and means of optimization of personal and professional development of the competitive expert // *Akmeology*. 2012. No. 4; 2013. No.1–4.
- [8]. *Yemelyanova M. V.* Professional deformations of the identity of law enforcement officers // *Akmeology*. 2012. No. 4. Page 103–104.
- [9]. *Zeer E.F., Symanyuk E.E.* Psikhologiya of professional destructions. — M.: Academic Project; Yekaterinburg: Business book, 2005.
- [10]. *Lichko A.E.* Psikhopatiya and accentuation of character at teenagers. L., 1983.
- [11]. *Kazakov YU.N., Solovyanov S.E.* Crisis situations and professional deformations of the identity of staff of Federal Migration Service // *Akmeology*. 2010. No. 3. P. 36–43.
- [12]. *Korolenko Ts.P., Dmitriyev N. V.* Addiktologiya: reference book. — M.: Institute of consultation and system decisions, All-Russian professional therapeutic league, 2012.
- [13]. *Korolenko Ts.P., Dmitriyev N. V.* Sotsiodinamicheskaya psichiatriy. — Novosibirsk: Publishing house of NGPU, 1999.
- [14]. *Kupriyanov R. V., Valeeva N. Sh., Bykovskaya N. V.* Professional deformation of the identity of the social worker // *Akmeology*. 2014. No. 3. P. 66–74.
- [15]. *Markova of A.K.* Psikhologiya of professionalism. — M.: Knowledge, 1996.
- [16]. *Polyakova O. B.* Depersonalization as making professional deformations of the personality and akmeologicheskyy problem // *Akmeology*. 2009. No. 4. P. 44–53.
- [17]. *Polyakova O. B.* Professional deformations of the personality: concept, structure, diagnostics, features: monograph. — M.: NOU VPO Moscow psikhologo-social university, 2013.
- [18]. *Sobchik L.N.* Introduction to identity psychology. Theory and practice of psychodiagnostics. — M.: Folium, 1997.
- [19]. *Shlychkov V. R., Shlychkova O. N.* Deviant behavior of the personality as social and psychological and philosophical and culturological phenomenon: theoretical analysis of a problem // *Akmeology*. 2006. No. 1. P. 82–87.
- [20]. *Fomina T.G., Morosanova V. I.* Professional burning out of the teacher: regulatory approach // *Akmeology*. 2013. No. 3. P. 40–44.